

ОЗАРЕНИЕ

Литературный
альманах

Выпуск
III

Наступственное слово

Дорогие друзья!

Свершилось! Увидел свет третий выпуск гимназического литературного альманаха. Работая в прошлом году над вторым номером, мы мечтали сделать его ежегодным, но, если честно, очень сомневались, что и нам, и вам, дорогие наши авторы и читатели, по силам. Но все наши волнения оказались напрасными: муза не перестала посещать вас, а озарение не перестало снисходить на вас. И вот уже в третий раз мы вместе.

И новый номер «Озарения», как и два предыдущих, имеет свое лицо. В первом альманахе «Да будет свет» были собраны самые разно жанровые поэтические работы гимназистов. Второй открывался стихотворениями младших школьников с восторженным и немного детским восприятием мира, а завершался номер более взрослой и серьезной прозой и поэзией старшеклассников и выпускников. Это давало возможность понять, как год за годом растут ребята, и что меняется в их сознании.

Создавая этот альманах, мы отметили, что большинство материалов, предоставленных ребятами как старших, так и младших классов, затрагивают отнюдь не детские темы и пронизаны желанием поделиться извечными человеческими терзаниями. Надо признать, это нас несколько удивило. Мы не утверждаем, что все нынешние гимназисты в то время, когда им в пору прыгать по лужам и ловить бабочек, ударились в философию, но само направление мыслей, пускай не всегда хорошо оформленных (это приходит с годами и опытом), поразило даже старейшин редакции. Заглянув на последнюю страничку, нетрудно отметить, что многие авторы альманаха – нынешние восьмиклассники, творившие год назад. А, по

мнению школьных психологов, именно седьмой класс – один из самых трудных. И очень здорово, что наши ребята находят утешение своим подростковым переживаниями в творчестве. Растет новое думающее поколение, которое, возможно, превратится в таких же корифеев литературного поприща, как небезызвестные вам Л. Казакевич и З. Кукутидзе, в прошлом – наши постоянные авторы, а ныне – студенты журналистского факультета.

Особенно хочется отметить стихи 13-летней Мириам Ерохиной, невероятно тонкие и взрослые, которые смело можно назвать главными страницами этого номера. Думаем, что прочитав стихи этой юной леди, вы согласитесь с нами – ее ждет большое поэтическое будущее!

И как всегда мы подготовили читателям небольшой сюрприз. На этот раз – стихи из литературного приложения к «Пугачёвке, 6» десятилетней давности! Тот номер «Племя младое» посвящен 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Значит, это приложение тоже отмечает маленькую, но круглую дату – 210-ую годовщину великого поэта! Имена отдельных авторов уже ничего не скажут даже старшеклассникам, однако их работы так глубоки, что мы посчитали нужным вас с ними познакомить.

А за предоставление материалов благодарим Г.И. Наумову, И.Л. Старикову, В.А. Терехова и самих авторов. А также напоминаем ребятам, что мы с радостью ждем их работы в любых жанрах. Не полагайтесь лишь на учителей словесности, а смело приносите свои труды самостоятельно, тогда они точно появятся на страницах следующих альманахов.

Дерзайте, творите!

Пусть на вас вновь снизойдет **ОЗАРЕНИЕ!**

Уроки русского языка

Если бы я был...

Виктория Буяновская

Если б все в жизни было
 Так, как мы захотели,
 То годы не то чтоб уныло,
 Но ровно б они пролетели.
 И люди бы заскучали,
 Если бы не было цели,
 Если б они не мечтали,
 Счастливее стать не хотели.
 Если не нужно бороться
 И пробивать себе путь,
 Так же, как тянется к солнцу
 Растеньё, примятое чуть,
 То люди тогда и не мыслят
 И ничего не ждут,
 Подобно опавшим листьям,
 По теченью вечно плывут.
 Зато вот счастье какое,
 Если вышло все у тебя,
 Отдохнуть теперь можешь в покое,
 За труды наградить себя!
 Но если бы ты не старался
 И мечте не давал отогреться,
 То победа бы не казалась
 Такой очень близкой сердцу!

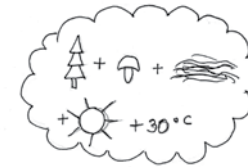
Милена Саркисян

Если б яблочком была,
 Я б на веточке жила,
 Появилась из цветочка,
 Стала бы расти, цвести,
 Соком сладким наливаясь.
 Лучик солнечный с утра
 Подрумянил бы бока.
 Я бы пряталась до срока
 Среди зелени, листвы,
 Чтоб неспелую меня
 Не сорвали б сорванцы.
 А когда бы я созрела,
 То сама бы захотела,
 Чтоб заботливый садовник
 С ветки бы меня сорвал,
 Внучке бы своей отдал,
 Чтоб прекрасное дитя
 Тут же слопало меня!

Ольга Сердюк

Если бы солнце сияло ярко,
 Если на улице было бы жарко,
 Мы бы уроки все позабыли,
 Быстро на дачу бы все поспешили.
 В лес бы ходили, грибы собирали,
 В речке купаться бы мы не устали.
 Если бы было лето весь год,
 Мы никаких бы не знали забот.

Мириам Ерохина

Если б была я дождем
 И лилась бы у неба с лица,
 То все бы узнали о том,
 Что дождь не имеет конца.

Он льется от боли небес
 На лица совсем равнодушных прохожих,
 Которые знают лишь то,
 Что дождь на других непохожий,
 Что сердце любовь не хранило,
 А жалкую злость берегло.

Ах, если бы сердцем была,
 То пела бы с ним и жила
 Дождем, и с дождем – до конца...

Сегей Карепин

Если б я был инженером,
 Спроектировал б дома,
 Да такие, чтобы стояли
 Не на день, а на века.
 У меня есть много планов
 На дальнейшие года.
 Я построил бы шедевры...
 Жаль, что жизнь так коротка!

Поэтическая мастерская Америки

Екатерина Соколова

Отставной лейтенант из Бомбея
Дрессировке подверг скарабея.
Тот умнел с каждым днем,
И частенько вдвоем
Ходят строем они по Бомбею.

Добронравная дама из Бронницы
Обожала по почте знакомиться.
Замуж шла за любого,
Кто писал ей хоть слово,
Эта нежная леди из Бронницы.

Екатерина Федяшина

В Подмоскowie посеял садовник
Вокруг сада колючий шиповник.
И на клумбы с тех пор
Не позарится вор...
Только выйти не может садовник!

Ольга Корнеева

На экскурсии были кадеты.
У одной задержались ракеты.
А когда возвратились,
То друзьям повинились,
Что на карте уж Бельгии нету...

Александра Левшина

Мистер Пит из далекой Аляски
Имел нос наподобье колбаски.
И один его вид
Пробуждал аппетит
Всех собак и котов
всей Аляски.

Поэтическая мастерская

Стихи о поэзии

Екатерина Федяшина Поэзия

Из тьмы родился яркий свет,
Слова – из тишины,
Чтоб каждый в мире
был согрет
Дыханием весны,

Чтоб у себя над го-
ловой
Нам видеть – вместо
туч –
Звезды паденье за
звездой
И яркий солнца луч,

Чтоб шепот летнего дождя,
Смех молодых ручьев
И рек, впадающих в моря,
Понятен стал без слов,

Чтоб нам поэзию познать,
Всю жизнь, и день за днем
Природа будет создавать
Наш мир и чудо в нем.

Валентина Дрок Как я пишу стихи

Строчки мелькают, ложась стройным рядом,
Буквы кружатся, слагаясь в слова,
Рифмы приходят доставкой на дом,
Кругом несется моя голова!

Стоп! Разбежались, смутились
слова:
Рифма ушла далеко и надолго.
Сидя, я сплю, как лесная сова,
Мысль не мерцает, и я без восторга.

Нужную строчку ищу... Как же
сложно!
Видно, устала моя голова.

Ладно, прилягу... Уснуть невозможно!
Снова вплетаю я в рифмы слова...

Александра Левшина

Откуда берется поэзия?
Из песен, стихов или грез?
Откуда берется поэзия?
Из лепестков белых роз?
Откуда берется поэзия?
Какой это сложный вопрос...

Анастасия Рожнова

Стихи – это то, что нельзя потерять.
Стихи – это то, что нельзя обменять.
Стихи – это то, что нельзя объяснить.
Стихи – это то, что нельзя позабыть.
Стихи – это то, что нельзя не любить.

Сюзанна Саркисян

Я сочиняю стихи,
Сидя с листком за столом.
Светят на небе огни.
Я да луна за окном.
В доме давно уже спят
Все домочадцы мои.
Сидя с листком за столом,
Я сочиняю стихи...

Рождественская сказка

Виктория Буяновская Белоснежный друг

Лес зимой прекрасен. Деревья укрыты снежными шапками, сугробы на пнях похожи на сказочных зверей. Снег блестит на зимнем солнце. В конце декабря все обитатели леса готовятся к встрече Нового года, к Волшебной Ночи. Гномики шьют красные колпачки, эльфы с феями готовятся к Новогоднему балу. Заботливые и аккуратные грызуны, белки и зайцы прибирают дупла и норки, а их дети водят хороводы вокруг мохнатых елок – ведь им не надо торопиться в школу и делать уроки. По лесным тропкам проходят олени – помощники Деда Мороза. Они собирают письма, в которых сказано, какие подарки хотят получить звери, и везут их в Великий Устюг.

Волчонок по имени Принц написал Деду морозу, что в Новогоднюю ночь он больше всего хочет получить друга. Дело в том, что с Принцем никто не хотел дружить – все боялись его отца. Его отец был грозным предводителем волчьей стаи, суровый и злой, он пытался сделать из своего сына такого же негодяя и безжалостного вожака. Все звери знали это и старались избегать Принца. Но Принцу было скучно, ему не нужна была власть, ему был нужен друг, существо, которому он мог бы все рассказать и с которым мог бы поиграть. Итак, дописав и запечатав письмо, он передал его оленю, который задрожал от страха при виде волчонка. Тот вздохнул и принялся готовиться к Волшебной Ночи.

Тридцать первого декабря папа-волк, мама-волчица и Принц собрались за столом. Принц верил, что Дед Мороз выполнит его просьбу. Ему казалось, что как только часы на самой высокой

сосне в лесу пробьют полночь, из-под елки вылезет друг, обернутый в яркую бумагу, разорвет ее, обнимет Принца и назовет свое имя. Как будет выглядеть друг, Принц не знал, и весь вечер тщетно пытался себе его представить. От этих мыслей его отвлек отец, который встал, торжественно попросил тишину, хотя никто и так не шумел, произнес тост, в котором выразил надежду, что его сын в наступающем году станет тверже и будет достойным сыном вожака и проявит рвение в любимой забаве волков – охоте на грызунов.

После его длинной речи и речи мамы-волчицы, которая призывала его брать пример с отца, главные лесные часы пробили 12 раз, и Принц не удержался и подбежал к елке, но друга там не было, не было живого существа в яркой обертке. Принц еле

сдержал слезы: неужели в Новогоднюю ночь не совершилось чудо, неужели Дед Мороз забыл про Принца! Волчонок сел за стол и принялся смотреть в окно. Там медвежонок Бурый и лисенок Хвостатый пускали фейерверк, а хомяк Поль с мышкой Сонькой играли в снежки, но никто не позвал его, не пригласил поиграть вместе.

Но тут Принц увидел маленького дрожащего зайчонка. Он был белый, как снег, и выделялся белым пятном на темном заборе, рядом с которым он сидел. У зайчика был жалкий вид, он прижал уши к спине, шкурка покрылась инеем. Принц сразу забыл, что не получил того, о чем мечтал, он сразу загорелся желанием помочь: «Надо принести его сюда, согреть, накормить, найти его родителей!» – подумал он. Вслух Принц произнес: «Папа, папа, смотри, какой зайчик! Можно я его сюда принесу?» Отец ответил: «Разве не хватает блюд на нашем праздничном столе? Но я одобряю твоё желание прокормить семейство и не упустить добычу даже в праздник, когда многие предпочитают отдохнуть и расслабиться...»

Принц чуть не заплакал. Его удивляло, почему всегда надо следовать правилу, установленному давным-давно предками-волками: при виде зайца волк должен поймать его и съесть. Неужели сейчас, когда даже волки стали цивилизованными, между хищниками и беззащитными зверьми не может быть дружеских отношений!?!

Принц жалобно сказал: «Сейчас Волшебная ночь, все должны забыть вражду – ну вроде перемирия! Неужели у вас нет со-

страдания? Признайтесь, вам не хотелось бы сейчас оказаться на месте этого бедняги! Поможем ему!» Отец-волк разозлился и послал Принца спать, приговаривая: «Из тебя никогда не получится вожак! Стае нечего будет есть, если ты будешь жалеть добычу!» Принц лег, но не уснул. Через полчаса он вскочил. Очевидно, он принял какое-то решение. Принц двинулся к окну и выбрался на задний двор, потом перешел на передний и, убедившись, что свет в гостиной не горит и его родителей там нет, он подкрался к забору.

Мороз стоял лютый, и зайчику было очень холодно. Волчонок поднял белый комочек, но тот вздрогнул, и в его темных глазах появился страх. Зайчик попытался вырваться из лап Принца, но там ему было тепло, а он почти совсем замерз, к тому же, Принц не делал попыток съесть его, и зайчик принял смелое решение остаться.

Принц перелез через забор вместе с зайчиком и побрел по лесной тропке. Вскоре он увидел заброшенную нору, вероятно, лисью и, забравшись туда, стал греть зайца. Он тер его ладонями, дышал на него. Когда зайчик согрелся, Принц попросил его рассказать, кто он, откуда и как оказался один в Новогоднюю ночь.

Зайчик принялся рассказывать: «Меня зовут Белоснежным из-за моей шкурки. Я живу далеко отсюда, за болотом, за березовой рощей. Мои родители и я отправились в эти края за елью, у нас хвойников и в помине нет. Пока папа-заяц елку

рубил, а мама-зайчиха ему помогала, стал я от «нечего делать» по сторонам глядеть. Вдруг вижу – фейерверк. Я его раньше только на праздничных открытках видел. Ну я засмотрелся и не заметил, как с полянки ушел. Потом спохватился, стал родителей искать, а их нигде нет. Я долго бродит, плакал и совсем замерз.

Отчаявшись найти их, я пролез к вам во двор – там дырка в заборе. У вас во дворе светло и не так страшно, как в лесу. Там я и лежал, пока ты меня не подобрал. Я сперва испугался, скажу честно. Подумал, что мне конец, но ты был так добр ко мне! Я сейчас тебя не боюсь. Ты хороший, но даже ты не сможешь помочь мне отыскать родителей в этом большом, полном опасностей лесу!»

Принц задумался. Нет, опасности его не страшили, но как найти двух незнакомых ему зайцев в большом дремучем лесу? Все же он решил отправиться на поиски и заявил об этом Белоснежному. Когда тот стал благодарить Принца, он только сказал: «Подожди, заяц, радоваться! Дело еще не сделано!»

Зяец и волчонок вылезли из норы и отправились в чащу. Луна освещала им путь. Они прошли болото, березовую рощу, Принц хорошо знал лес, но так далеко не заходил никогда. Он дрожал от холода, и не надеялся разыскать родителей зайчика, но подбадривал Белоснежного и грел его, прижимая к себе. Лес в тех краях был густой, но хвойников не было, лишь ветви дубов и стволы осин преграждали им путь.

Наконец, вдали показался огонек. Когда Принц и Белоснежный подошли, они увидели много-много нор, из одной норы лился луч света. Белоснежный узнал в этой норе свою. Из нее вылезли его родители: длинноухий папа-заяц и заплаканная зайчиха-мама. Они бросились к сыну, но, увидев волка, отшатнулись. Но зайчонок успокоил их: «Не бойтесь! Он спас меня! Это мой друг!» Принц вздрогнул, так как никто никогда раньше не называл его другом.

Родители зайца позвали его к себе в нору, маленькую, но очень уютную. Они угостили его чаем и печеньем, но высшей наградой для Принца был благодарный взгляд зайчихи-мамы. Она достала из-под елки подарки и несколько свертков дала сыну, а несколько волчонку. Принц вспомнил, что остался без того, главного Новогоднего подарка, которого он так ждал. Вдруг он понял, что желание его исполнилось, у него появился друг. Только друзей не находят под елкой, не покупают в магазине. Он заслужил друга, теперь он не будет одинок. Принц поиграл с Белоснежным, а потом, заметив на лице зайчихи-мамы еще не успевшие высохнуть слезы, подумал, что если его побег обнаружили, то его мама тоже волнуется так, как совсем недавно волновалась мать Белоснежного. Принц распрощался с семейством зайцев, обещал заходить и не забывать друга.

Прошло много лет. У Принца появилось много друзей, но он помнил про своего лучшего друга Белоснежного. Отец не одобрял такой дружбы и злился. Принц, молодой и сильный волк, ушел из дома и из отцовской стаи и поселился за березовой рощей, за болотом, в другой части леса. Там он собрал свою стаю, волки сбегались к нему со всего леса, так как он славился как хороший вожак, мудрый и справедливый. Его стая процветала и увеличивалась и, хотя волки его стали заниматься охотой, все равно не забывали, что на свете есть ДРУЖБА. Волки любили его и уважали. Принц женился на очаровательной волчице, и его дети были также добры, как он.

Через много лет он встретил в лесу одинокого старого волка – своего отца, стая которого перебежала к Принцу. Принц простил отца, он не был злопамятным, и тот присоединился к его стае.

Вот такая получилась сказка, она не похожа на другие Новогодние сказки. Ее лучше назвать притчей – притчей о дружбе.

Поэтическое приложение «Жулия младое»

Андрей Терехов, 5-а
Рисунок

Нарисуем мы дорожку,
По которой мы пойдем,
Нарисуем птичку, мышку,
И хорошую кормежку,
И глубокий водоем.
Нарисуем, нарисуем,
Нарисуем... и сотрем!

Катя Ряхина, 8-б
Верлибр

Мне хотелось бы жить в Андалусии,
В краю солнца и маслин.
Я была бы простой испанкой.
Я ходила бы на рынок,
Где торговки наперебой расхваливают

Свои товары.
Я сидела бы по вечерам в уютном кафе
На набережной.
Я бы слушала тихие напевы гитары
И немного завидовала красивой соседке,

Которой поют серенады.
Может быть, я бы даже мечтала
О далекой и снежной России.

Саша Скрипченко, 6-б

В глубине бульвара затерялся дом.
Дом, хранивший тайну, память о былом.
Домик деревянный, и таблички нет,
Но я знаю, здесь жил маленький Поэт.
Дом поэту вспоминался через много лет,
Поселил в нем Лариных, страдающих от бед.
Лишь деревья помнят все, те, что здесь стоят,
И как свечи, листья их желтые горят.

Я люблю смотреть на закат,
Когда птицы прощально кружат,
И неведомая рука
Растушевывает облака.
Они медленно вдаль плывут
И меня за собой зовут.

Я наступление осени предчувствую заранее,
Когда кружатся в воздухе тоска и ожидание,
И небо с каждым днем все ниже опускается,
И солнце не смеется, а только улыбается.
Как много ярких красок в палитре этой осени,
Еще вчера молоденькой, а нынче уже с просе-
дью.

Настя Панова, 8-б

Тихонько снежком засыпает
Затихшие улицы града,
Тихонько морозец играет,
И теплится тихо лампада.
И тихо на город ступает
Прекрасная тихая ночь,
И тихо ко мне подлетает
Последняя тихая строчка.

Антон Петроченков, 8-а
Муки творчества

Совсем непросто написать сонет.
Гораздо проще в речке утопиться,
Или в бабульку старую влюбиться,
Иль встретить в шесть часов утра рассвет.

Гораздо проще не писать сонет,
Чем думать, головой о стенку биться
И Музу ждать, совсем не спать, не мыться...
Скажите, люди: прав я или нет?

И вот уж до конца всего шесть строк.
Давай, Антоша, милый, напрягись, ну!
Надеюсь, что поэзией блесну

И напишу стишок я в нужный срок.
И скоро уж скажу я вам: *пока*,
Ведь вот она, последняя строка.

Инна Погорелко, 9-а

Долгожданной осенней ночью
Дождь безумный гулял по крышам.
Одинок он был и неслышим.
Мир казался счастливым очень.
Надвигалось бесшумное горе, –
Горе тем, кто не знал отравы!
А какой-то урод безглавый
Заставлял смеяться до боли.
И от смеха тряслись минуты,
Листья падали и взлетали,
А слова, что жить перестали,
Возвращались опять как будто.
А когда был развеян пепел,
Я осталась на этом свете,
Чтобы ждать мимолетной смерти.
Впрочем, – это было так просто.

Ирина Григорьева, 8-а
Осень в городе

Желтеют деревья, хоть их и немного.
От частых дождей потемнела дорога.
Красивые листья на землю упали.
Зачем-то их дворники в кучу собрали.
Трава во дворе пожелтела, пожухла.
И солнца лучи почему-то потухли.
И скоро замерзнет глубокая лужа,
Идет-надвигается зимняя стужа!

Вера Лысенко, 8-б

В городе зимушка, пьяный мороз.
Мерзнут под коркой дороги.
Папа детишкам подарки принес.
Ждет старый пес на пороге.
Дряхлый мороз ползет по мосту,
Спят на сиденье усталые дети.
Держат они по конфете во рту,
Снится принцесса в карете.

Город застыл, будто вдруг задремал...
Гул перестал, разговоры затихли.
Слышно, как кот таракана поймал,
Шепчется дуб, ветвями поникнув.
Все так изящно, так кротко, легко.
Пухлый снежок все летит и летит...
Кажется, что где-то там далеко
Ангел двукрылый над нами парит.

Женя Сазонова, 9-а
Карточный домик

Карточный домик, какой же он хрупкий,
Как моя надежда, как твои руки.
Чье-то дыханье – и он сломался.
Просто ветер — и он распался.
Разбилась надежда, угасла улыбка...
Какое несчастье, какая ошибка!
Карточный домик, какой он хрупкий,
Как моя надежда, как твои руки.

Светлана Евдокимова, 10-а
Карельская ночь

За черным окошком мелькают огни.
Давай помолчим. Мы с тобою одни,
Лишь скользкие рельсы уносятся прочь.
Вокруг – темнота. Не карельская ночь.
Мы стоим и молчим – не хотим уезжать.
Злобно поезд стучит – что-то хочет догнать.
Можно время поймать, задержать, зачеркнуть.
Можно что-то решить и обратно вернуть.
Ну а нам все равно. Мы стоим и молчим.
Злобно поезд стучит. Тихо поезд стучит.
Мы уже не одни. Все уносится прочь.
И вокруг – тишина. И карельская ночь.

Елена Боброва, 10-б

Алмазное небо, серый асфальт,
Тихие стоны уставшей земли,
Где-то дрожит, замирая, алыт –
Шепот, как будто просящий любви;
Черные дыры ушедшего века...
Кажется, это – потерянный рай,
Все здесь дрожит от шагов человека...
Шепчет лишь кто-то: «Скорей убегай!..»

Ольга Корнеева
Весна

Запахло в городе весной...
И в мире все переменялось,
От долгой спячки пробудилось
И озарило красотой.

Весь мир, что зиму переждал,
Открылся солнышку навстречу.
И в каждом доме, я замечу,
Он света отблески искал.

На каждом деревце слегка
Набухли почки. Все в тумане.
И птичьи песни над домами...
И ветер гонит облака...

Екатерина Соколова
Весна

В белом просвете синих домов,
За рамой зеленой деревьев,
Вся соткана жизнью из радужных снов,
Весна выплывает, накидкою вея!..

И там, где пройдет она гордо,
Вдруг сразу возникнут цветы...
Покроются зеленью горы –
Все это полно теплоты!

Весна – это чудное время!
Весна – это новая жизнь!
Холодное скинуто бремя,
И облако в небе кружит!

Анастасия Ройтерштейн
Осень в Москве

Осенний воздух наполняет город,
Запахла осенью Москва.
Желтеют листья и краснеют,
Покрыта ими вся трава.
Москва-река уносит их теченьем
Туда, где есть покой и тишина,
Туда, где существуют чудеса,
Где осень – это красная... весна!

Екатерина Соколова
Осенний город

Осень красит небо
в серый,
Дождь шумит над
головой.
Я иду по мостовой
Под промокшей неба
сферой.

Рядом люди, бледнокожи,
Зябко ежатся, спешат,
На промокших лягушат
Все они насквозь похожи!

Я бреду неторопливо.
Я иду – и дождь идет...
Я зайду за поворот,
На углу заплачет ива.

На столбе промокший голубь,
Весь встопорщен и сердит,
Грозно на меня глядит.
Я в метро нырну, как в прорубь...
Ах, какой красивый вид!

Полина Заяфарова
Зима в Москве

В зимнем городе Москве
Солнца нет и неба нет.
Да и снега в феврале
Не отыщешь след.

Серым облаком покрыты
Лица, улицы, дома.
Лишь на стенах позабыты
Шарики и мишура.

Грустно, хмуро, дымно, серо
В зимнем городе Москве.
Впрочем, даже грусть красива
В лучшем месте на земле.

Ольга Корнеева
Зима в Москве

Снег с дождем и дождь со снегом.
Что такое за погода?
Солнца нет на небе пегом.
Только тучи год за годом.
Нет жары. И нет мороза.
Тихий дождь. Иль снег? И слякоть.
Только в мае будут грозы.
Не сейчас вам, тучи, плакать.
Почему в моей столице
Все не так, как у людей?
Остается лишь молиться,
Чтоб весна пришла скорей.

Екатерина Федяшина
Московская зима

Снова мелкий снегопад
Посетил наш город.
И который год подряд
Не приходит холод.

Зимним утром выхожу
Из подъезда дома
И в который раз спешу
По тропе знакомой.

Вижу – пухлый сне-
говик,
Банка вместо шляпы.
Знать, дошкольник
смастерил
Накануне с папой.

На дорожках гололед
Нам ловушки ставит,
Но мороз к нам не идет –
Верно, чем-то занят!

Софья Сопова

В Москве зимой впервые за два года
Мороз свирепый наступил.
Переменилась вдруг у нас погода –
Февраль январский день сменил.

Когда жила я раньше не в столице,
Мороз был лютый каждый день.
Надеть старались люди рукавицы,
Рейтузы им надеть не лень!

У нас теперь совсем другая
мода:
В ветровке тот, кто в шубе
был.
Неважно нам, что за
погода,
Лишь модным по
Москве б ходил!

Взгляни в окно, забудь о бедах!
В Москве зимой настал тот час,
Когда подросток в летних кедах
Скользит по снегу в первый раз.

Екатерина Федяшина

Смотрю на свечу:
Пламя лижет белый воск
Рыжим языком.

Фотография:
Черно-белое лицо...
Только в глазах – свет!

Шепчет ручеек
Сонным голосом. Шумят
В роще ясени.

Екатерина Соколова

Поздним вечером
Боги смотрят на землю.
Звезды – их глаза.

Анна Сидоренко

Слезы текут.
Ночь по головке погладит.
Завтра будет день.

Валентина Дрок

Посади ветку.
Вдохни в нее душу.
Будет дерево.

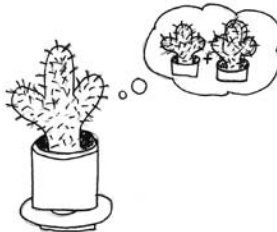

Ольга Корнеева

Любовь не вернуть.
В светлеющем небе
Запели птицы...

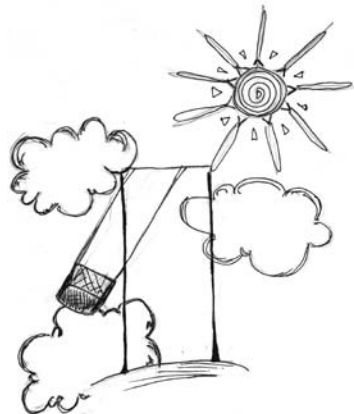
Смотрю на кактус:
Иглы топорщит, как жала...
Одинокий он.

Дождь стучит в окно,
Словно усталый путник.
На душе темно.

Вероника Стукачева

Летят качели,
Оставляя позади
Грусть и заботы.

Иван Тимонов

Солнце блестит
В лужах, в стеклах московских.
Весна пришла!

Виктория Буяновская
Мечты и звезды

Звезды падают редко
Ночью с далеких небес.
Все же, верьте вы крепко
В существованье чудес.

Если увидишь мерцанье
Падающей звезды,
Быстрее загадай желанье,
Лучшего мига не жди...

Может, пройдут минуты,
Дни, месяца, года...
Счастье живет повсюду,
Верь – навестит тебя!

Недавно люди открыли,
Что звезды не падают, нет,
Просто тоскливо гаснут,
Прожив миллиарды лет.

Значит, зря мы дрожали,
Лишь огонек заметив,
Значит, зря мы мечтали,
Верь во все на свете.

Но потеряешь быстро
Надежды тонкую нить.
Если не веришь в чудо –
Трудно на свете жить.

Так пусть говорят, что в мире
Тайн нераскрытых нет,
Что отказались люди
От глупых и праздных примет.

Все же любовь и счастье,
Мечты и желанья живут
Даже во время ненастья,
Нам унывать не дают!

Анастасия Артемчук

Тоска у моря

Размеренно шагая по песку,
Оставив след у кромки моря,
Я прогоняю набежавшую тоску,
Какая бы ни выпала мне доля...
Я сяду бережно, не разбросав песка,
Не опрокинув злое небо над собою,
Вернется ко мне прежняя тоска,
Но вновь омоется она морской водою...

Чудесная

Тихий стук шагов,
Легкое шуршанье,
Аромат духов,
Сердца замиранье.

Тонкая рука
Дверцу отворила,
Светом все слегка
Нежным озарило.

Вот она идет,
Свежести дыханье,
Мимо лишь вспорхнет
Сна очарованьем.

Размышления на тему любви

Все ближе и ближе, и путь так недолог,
Но тщетно крутою тропинкой бежать.
Кто с чувствами разумом был очень ловок,
Тому под контролем их легче держать.

Не нужно бросаться под ход паровоза,
Опасно играть с ненавистной судьбой.
Напитка любовного смелая доза
Влечет неприятности вслед за собой.

Кто хочет любить – безответно пусть лю-
бит.
Никто не обещан взамен на любовь.
А страсть в одиночку, как яд, чувства губит,
Остынет и вовсе со временем кровь.

Так пусть не умрут от тоски те любовной,
Кто счастья другому так рьяно желал.
В зияющей пропасти грусти бездонной
Пускай бы им страсти костер воспылал.

Луна

Далека и холодна...
Безразлична, безучастна,
Свысока глядит она,
К людям смертным
беспристрастна.

Воцаряя тишину,
Все кругом окутав тенью,
Очевидцу одному
Показалась лишь виденьем...

Вечный спутник всех грехов,
Тайн ночных всегда свидетель,
Во время мира, время снов
Льет на землю добродетель.

Свет ее несет покой,
Мысли и души забвенью,
Цикл времен толкать одной
Ее в вечность приключенье.

Мириам Ерохина

Завывает пурга,
Белым вихрем несется.
В сердце тишь и тайга
Слезопадом прольется.

Нам не надо границ,
Пусть метелью не выюжит
Крыш и белых зарниц.
Ну, а наша душа —
Словно лилия в луже.

В присутствии безжизненных времен,
В глазах безмерно правильных имен
Оно одно нашло
Во мне покой.
Ты не такой, как все,
Ты не такой...

Тот мир кричит
О преимуществе немого.
Тот мир в тебе кричит
Лишь обо мне...
Тот мир кричит:
«В начале было Слово»...
То слово чувственно рождалось
В тишине.

Я понимаю
Боль Распяты,
Я понимаю
Эту боль,
Как щедрость,
Мудрость и заклатье.
Я разделяю
Все с Тобой.

Рае Геризон

Когда-то была эта птица
Египетской жрицей
И успела перевоплотиться.

Как будто бы что-то шелкнуло,
Отворилася дверь и заплакала.
Сердце холодное тронула.

Ветром сдуло все приметы лета.
Может быть, об этом знаешь ты.
Может быть, и знаешь ты об этом...
Закружились в воздухе осенние мечты.

Что за чудные цветы!
Стоит букет, не вянет.
Из желтых капелек весны
Мимоза зацветает.

Когда стихи –
Очарованье рук,
Очей струящейся лазури,
Приостановишь ты
Движенье мук,
Попросишь ты
Движенья бури.

Посмотри, какая луна.
Не она ли глядит из окна?
Белым снегом через фонарь
Улетает в темную даль.

Ах, как приятно любить...
Засыпать и про все забыть...
Снегом легким думы летят,
А слова за тебя говорят.

Ничего не печалит. Никто.
Снег сгребают в весну, как снимают пальто.

Белый кораблик по небу несется,
Белая грусть звездопадом прольется,
Белое солнце в странах чужих,
Белую жизнь разделить на двоих.

Ночь. Тишина.
В сердце пусто.
Тень из окна.
Слезы... Грустно...

Помоги мне, Господи,
Улететь куда-то вдаль
И скрыть свою надежду,
И скрыть свою печаль,

Парить, как птица, над Москвой,
Парить под небесами
И видеть, как поток людской
Злость свою скрывает.

Мечта была так далека
И над Москвой парила.
И я навстречу ей пошла,
И ей не возразила.

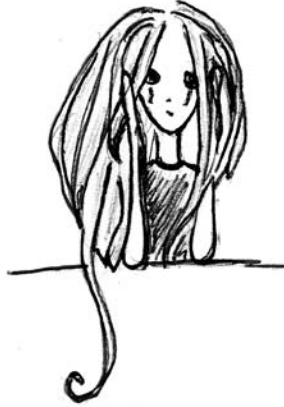
Екатерина Соколова
Казнить!

Твои руки не знали работы,
А в глазах гнездилась печаль.
Твои дети – твои сироты,
Закалялись, как будто сталь.

Ты – тростинка, но ты – богиня,
Ты – крупница в часах судьбы.
Слишком гордо звучало имя,
Слишком мало – всегда «на Вы».

А когда под стеной Версаля
Плыли крики: «Казнить! Казнить!»,
Ты за черным плечом рояля
Повела к ним письмо, как нить.

На бумагу катились слезы –
Понимала, что все всерьез...
А в реальность тонули грезы,
А в глазах стоял горький вопрос.

Ты не знала, что твой мучитель
Не позволит письму дойти.
Твоя крепость, твоя обитель
Под напором сдала ключи.

В платье белом взойдя на плаху,
Ты взглянула – вокруг зверье...
Больше сил не осталось плакать,
Ты устала. Дитя твое

В страхе горьком к тебе прижалось,
Тихо «Мама!» шепнул сынок.
Только слов для него не осталось,
Уж с судьбой поджидал злой рок.

С тихим стоном упала наземь –
Ты не вынесла этого света...
Под пологом причудливой вязи
Спит Мария-Антуанетта.

Зера Кукутидзе

Небо больше не синее

Шлифованный тротуар тысячами прохожими, переулок, старая арка и магазин.

Идешь по улице и не видишь, что там за четырьмя шагами дальше. Страх должен бы охватить, но не охватывает. Давно перестал бояться. Смущенно здороваются редкие соседи старого дома с моей прозрачной тенью. После утраты света я перестал любить день. Почему, спросите вы? Отвечу – глаза к темноте привыкли.

Четыре месяца назад ко мне в квартиру ворвался лучший друг, резко потряс меня за плечи и спросил в лоб:

– Ты жить будешь дальше? Ты не видишь, во что превращаешься... Хочу помочь тебе, а ты как будто сопротивляешься. Ты хоть что-нибудь хочешь?! Скажи, я все сделаю!

– Я... я не знаю», – все, на что был способен мой голос.

Наверное, когда человек теряет что-то очень ценное в жизни, его полосы – черные и белые – сливаются в одну – серую. И это самое страшное.

Когда-то, будучи подростком, я смело рассуждал о будущем, и мне казалось, что мир крутится в темпе щелчка моих пальцев. Это ведь свойственное всем людям в определенном возрасте заблуждение, вызванное юношеским максимализмом. Так вот тогда я серьезно говорил о том, что не понимаю смерть, что она – есть пустота, что человек исчезает, и это странно... Еще я полагал, что переживу, случись такое рядом со мной, и смогу идти дальше, уважая память.

А теперь я просто задерживаю шторы, когда наступает утро и

жду вечера.

Я не уронил и трех слез за все похороны. Только одну... С детства воспитывал в себе характер и волю. Всегда считал, что плакать мужчине можно только в одном случае – смерть матери, все остальное должен он вынести без эмоций. Потому как его сдержанное молчание будет опорой для всех близких, оставшихся рядом.

Моя жена была любимой женщиной, крепко любимой. Она для меня была воплощением всей женственности и природной силы прекрасного пола. Ее взгляд успокаивал, руки лечили, характер заставлял смеяться, а улыбка... вызывала вечную тягу. Что говорить о дочери – это была ее маленькая копия, лишь только цвет глаз... был моим.

Погибли жена и дочь. И теперь мне уже не до великих рассуждений о жизни и смерти, не до философских книг и фильмов, не до всего в мире вообще. Я не сошел с ума, не утратил контроль над собой, не бросил работу, я просто... просто потерял кисть, которой писал полотно своей жизни. Не знаю, что более ценное может дать мне мир, чем то, что у меня было. Поверьте, я очень ценил их всегда. Мы действительно были счастливы. А теперь я не знаю, как жить дальше. Теряюсь в глупости случая. Упиваюсь молчанием времени, горькостью воздуха. Тысячу раз спрашивал себя, что хочу делать дальше, где хочу жить теперь, но ответом звучало лишь гулкое «не знаю». Серый цвет...

Я сижу возле открытого окна, слушаю, как носятся в сумасшедшем темпе машины по проезжей части, странный шипящий звук получается... И мысль меня посещает...

Человек ведь всегда знает, чего хочет, просто не всегда способен себе в этом признаться.

Теперь мне хотелось вечного одиночества...

Леонид Казакевич

Радуга-дуга или диалоги о любви

- Как красиво...
- Ага, а ты идти не хотела!
- Хотела, хотела, меня просто мама не выпускала, она не любит, когда я с тобой под дождем гуляю. Говорит, что я свинота и что на меня не настаивайся...
- Неправда, ты не свинота, ты очень красивая.
- Правда?
- Честно-честно. Гляди-ка, а радуга-то пропадает... Интересно, почему?
- Не знаю, а пойдем клад искать!
- Это как?
- А там, где радуга кончается, горшок с золотом зарыт, так мне Петя сказал!
- Ты его еще слушай, он тебе и не то расскажет!
- Ну ладно, пойдем тогда просто погуляем под радугой...
- Пойдем!

- Красиво! Я, пожалуй, зарисую...
- Да ты же не художница, как ты зарисуешь?
- Кто не художница? Я не художница? А ты тогда вообще ничего не умеешь!
- Прости, не хотел тебя обижать, просто не представляю себе, как ты это нарисуешь...
- А вот так, просто и легко. Мне все подруги говорят, что я хорошо рисую. Правда, они в последнее время со мной не разго-

варивают, наверное, злятся, меня-то все любят, а им никто даже и комплимента не скажет...

- Неправда! Я тебя не люблю! Я с тобой дружу!
- А мы всегда будем друзьями?
- Конечно, всегда! А как же иначе???
- А если ты меня когда-нибудь полюбишь?
- Не полюблю, я друзей не люблю, я их уважаю!
- Ну ладно-ладно, уж и пошутить нельзя... Вот, нарисовала!

– Красиво, ты вообще всегда красиво рисуешь... Я так не умею... А пойдем, погуляем...

- Куда пойдем?
- А куда, просто погуляем под радугой...

- Ой! А я и не заметила, как дождь прошел...
- Я тоже, я с тобой вообще ничего не замечаю...
- Ты все врешь! Сам говорил, что мы всего лишь друзья, а Вальку ты любишь! А теперь что? Теперь я твоя пассия? Нет уж, не выйдет, я тебя не люблю, так что можешь начать замечать...

– Не вру, я действительно при тебе как во сне. Наверное, я тебя люблю...

- Я тебе не верю, докажи!
- Хорошо...
- Ну не так же! И вообще, ты как щенок. Всю меня облизывал! Ты что, ни разу не целовался с девушкой?

- Нет, ты первая...
- Все так говорят! Не верю я тебе!
- Ну и не верь, а я тебя все равно любить буду.
- И куда скажу, туда и пойдешь?
- Да, куда угодно, за тобой – хотя на край света!
- Нет, ты мне тут нужен. Пойдем лучше просто погуляем...
- Куда? Везде же мокро, ты заболеешь!
- А просто по дорожке, да под радугой...
- Ну ладно, только куртку мою надень, она теплее.
- А как же ты?
- А я не замерзну, не впервой...

– Посмотри! Даже радуга появилась! За нас сегодня все рады!

– Да... Мы сегодня с тобой уже три года встречаемся... Не надоел я тебе?

– Нет, с чего ты должен мне надоест?

– Просто иногда, когда я стараюсь о тебе заботиться, ты на меня кричишь, как будто я тебя убить хочу...

– Ну я же просто не ребенок... Не люблю, когда меня ребенком считают... Я уже не маленькая...

– Да, ты уже не маленькая, а еще ты очень-очень красивая...

– Ты мне это каждый день говоришь! Скажи уж что-нибудь новое...

– Новенькое? А выходи за меня замуж...

– Что? Но как? Тебе же еще и 20 нет... Мы даже институт еще не закончили! Где мы будем жить, кто нас кормить будет? Ты что, с ума сошел?

– А разве все это важно? Разве не достаточно того, что я тебя люблю?

– Достаточно. Но я все равно не знаю... Я должна подумать, я не могу так сразу ответить...

– Ну так подумай, я не тороплю... Мне уйти, чтобы ты поду-

мать могла?

– Нет, не надо, просто не говори ничего. Давай просто погуляем молча, а я пока что подумую...

– Давай... Под радугой?

– Да, как всегда...

– В горе и радости, болезни и здравии, богатстве и бедности я обещаю тебе любить тебя, хранить тебе верность и заботиться о тебе, пока смерть не разлучит нас. Я люблю тебя...

– Я тебя тоже...

– Теперь можете считать себя женатыми. Жених, теперь вы можете поцеловать невесту...

– А помнишь, как ты меня впервые поцеловал?

– Помню, тогда тоже была радуга... И я тогда сказал, что люблю тебя, а ты мне не поверила... Может, пройдемся?

– А как же свадьба? Нам же еще праздновать, а потом первая брачная ночь, а потом все, семейная жизнь, не особо нагуляешься...

– А мы недолго. Совсем чуть-чуть, я просто так хочу побыть с тобой наедине...

– Хорошо, только очень недолго... И как всегда под радугой, она нам счастье приносит...

– Мне кажется, ему холодно...

– Ты что? Он же крепыш, мой сын... Мой сын... Да и день теплый... Не заболит, не волнуйся ты так о нем...

– Не знаю, я просто боюсь, вдруг что с ним случится... Ты же меня знаешь, я всегда такая глупая... Да и правда тепло, хотя дождь только что прошел... А вот и радуга, наша радуга...

– Да... Интересно, а наш сын когда-нибудь будет под ней гулять?

– Не знаю, наверное, нет. Только мы с тобой такие глупые,

чтобы за радугами бегать...

– Ну ладно. Может, еще чуть-чуть погуляем? Не хочу домой. Давай вот до конца дорожки. Да и радуга как раз над нами. Может она и ему понравится...

– Как красиво...

– Ага, а ты идти не хотела!

– Хотела, хотела, меня просто мама не выпускала, она не любит, когда я с тобой под дождем гуляю. Говорит, что я свинота и что на меня не настираешься...

Ирина Григорьева Прогения

Стадион. Детского масштаба, но все равно стадион. Со всеми его гуделками, фанатами и сорванными майками. Темно уже, а они все носятся. Как будто дома не ждут. Как будто есть не хочется. Серьезно играют.

А с неба сыпется снег. Мимо фонаря сыпется. Прямо на объектив. Я стою и пытаюсь как-то по-новому сфотографировать этот несчастный фонарь. Как еще никто не смог. С новой какой-нибудь точки. Чтоб люди посмотрели на фото, сначала ничего не поняли, а потом – бац! Да это же просто фонарь в снегу! Но как красиво, как красиво...

Здравствуйте, самолюбие...

Красиво бывает, только если человек влюблен. Неважно, во что. Хоть в самого себя. Тогда получится фонарь с точки зрения эгоиста.

– Неправда, ты не свинота, ты очень красивая.

– Правда?

– Честно-честно. Гляди-ка, а радуга-то пропадает... Интересно, почему?

– Не знаю, а пойдём клад искать!

– Это как?

– А там, где радуга кончается, горшок с золотом зарыт, так мне Ваня сказал!

– Ты его еще слушай, он тебе и не то расскажет!

– Ну ладно, пойдём тогда просто погуляем под радугой...

– Пойдем!

А специально ничего хорошего не получится. Это я по опыту говорю. По чужому.

А эти идиоты сейчас разобьют мне объектив. Тоже чужой.

И вообще-то дорогой технике вредно мокнуть под снегом.

Но я стою и пытаюсь как-то по-новому сфотографировать обычный электрический фонарь. Это просто я Пашу обманываю.

Как-то так сложилось, что я всегда была гением. Местного масштаба. Потому что знала наизусть стихи не по программе, сдавала экзамены, не учась и так далее.

А потом познакомилась с гением настоящим. С Пашей. Он не учился, но и экзаменов не сдавал. Я тогда тоже из универа ушла. Гениальности мне это не прибавило, но все же.

На самом деле ушла не поэтому. Просто даже гениям местного масштаба хороших оценок при нулевой посещаемости не ставят.

А плохие оценки мне были не нужны.

Посещаемость же и правда была нулевой – из-за Паши.

После того, как мы с ним познакомились, внешне все было как обычно. Встать – допинать себя до душа – одеться – накраситься – послушать «Чижа» – выйти из дома. Дойти до метро, посмотреть на часы. Понять, что успеваешь. Честно собраться в универ.

Топать-плестись под «Чижа» из наушников. Падать на асфальт и на рюкзак. Проклинать каблуки и падать снова, потому что гололед, а дворников в стране не хватает. Уйду из универа, стану гениальным дворником.

И тут – знакомая рожа. Улыбка в три лица, глаза серые не от мира сего, джинсы-куртка-рюкзак.

– Не пойдешь?

И я не шла.

Все, что он для меня делал, – встречал по утрам. Это я сейчас поняла.

Было холодно, поэтому ехали к нему. Чувствовали себя самой главной частью поверхности этого шарика. Смеялись, глядя на бедолаг, которые опаздывали на пару, и поднимались, не осознавая, что упали.

И солнце светило мне в правый глаз, а ему в левый. Наверное, кто-то из нас не ориентировался в пространстве.

Дома он садился за компьютер. Я заваривала чай и собирала абстрактно разбросанный мусор. Иногда мне за это влетало.

Комната, кстати, была самая обычная. Не гениальная. Кассеты, компьютерный стол, неубранный диван, кресло с пледом и абстрактный мусор. Все.

Настоящий гений зарабатывал на жизнь отрицательными рецензиями. В городе его не знали. Удачно подобранный псевдо-

ним создавал образ, совершенно не ассоциировавшийся с широкой улыбкой, немодной курткой и висящими штанами.

Я не смела отрывать его от компьютера. Сидела и чувствовала себя мебелью. Самой счастливой мебелью на свете.

Но еще большее счастье наступало, когда нужно было что-то сделать. Книжку прочитать-пересказать, на спектакль сходить, даже фотографию своими словами описать.

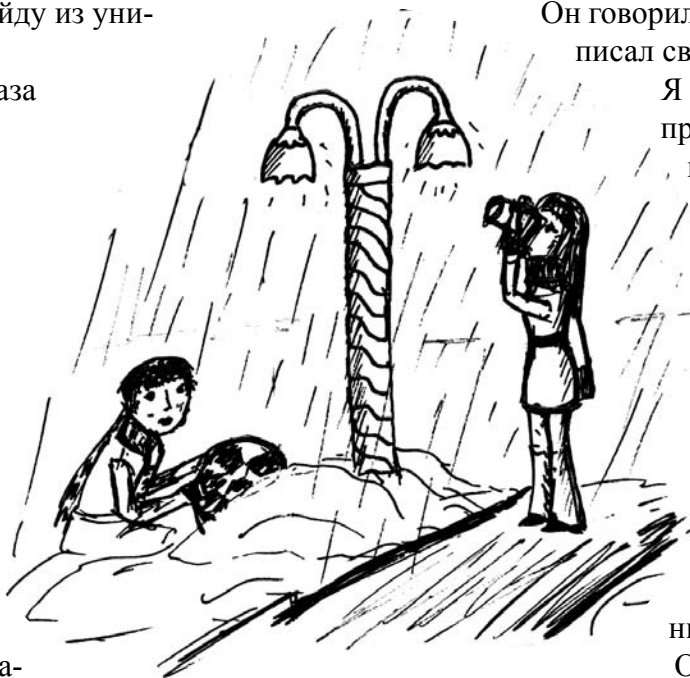
Он говорил, что доверяет. И выслушав меня, писал свою разгромную критику.

Я думала, что это гениальность так проявляется – суметь оценить вещь, не видя ее. И начинала чувствовать себя полезной мебелью. Это чувство утраивалось, когда необходимую для рецензии книжку приходилось доставать откуда-нибудь из пятых рук за тройную цену. И не есть несколько дней из-за этой цены.

Почему-то я стеснялась сказать Паше, что денег у меня нет. Привыкла к мысли, что гении без них запросто обходятся.

Он был гением, и поэтому никогда ничего мне не покупал.

Но мне... Мне так нравилось слушать его по-шерстяному запутанные мысли. И смысл был не нужен. И неземным спокойствием от него веяло. И прозу Цветаевой я почти забыла. А потом переехала к нему и забыла окончательно. Потому что смысл жизни сводился теперь к добыванию материала для его статей. К черновой работе.

Я стала ассистентом гения.

Но потихонечку мне это надоело.

И сейчас я стою и фоткаю фонарь. И мне стыдно, потому что вот уже месяц я его обманываю.

Сначала мне надоело голодать. Потом как-то сам собой придумался псевдоним. Потом мне подарили пленку, и я забрала из дому свою старую мыльницу.

А потом серию моих фотографий опубликовал один известный журнал. Еще никто не снимал Петра Первого по частям. А я вот додумалась.

Просто у этого самого Петра я ждала человека, которому должна была передать очередную Пашину статью. Человек не появлялся. Было холодно...

А на следующий после публикации вечер Паша получил от журнала заказ на очередную разгромную рецензию. Якобы для меня-рекламы.

Надо было прекратить это тогда. Все было бы честно. Но тогда не было бы статьи, не было бы публикации, а были бы только большие проблемы.

Благодаря Пашиным рецензиям меня полюбили. Из-за этого я стала сомневаться в его гениальности. А потом как-то нечаянно его разлюбила. И фотографировать сил моих больше нет. И прятать дорогой объектив под ванной. И поэтому у меня не получается фонарь.

Мячик пролетел над головой. Еще немного – и все бы закончилось. Я уже избалованная, без объектива снимать не умею.

За мячом выбежал какой-то мелкий ребенок в полосатой майке поверх свитера.

Осторожно обошел меня, поднял мячик, прижал к себе и довольнo улыбнулся.

И ко мне вернулась вся моя прошлая жизнь вместе с дворо-

вым и совсем не гениальным детством. Две пленки ушло на этих мальчишек. На их восторженные морды после очередного забитого мяча. На заплатанные в нескольких местах ботсы. На окоченевшие руки и красные носы.

Поздно. Надо домой. Паша встречает – как обычно широко раскинутые руки и нездешний взгляд. Но я приклеилась к кухонной табуретке, как он к компьютерному столу, и глотаю крепкий сладкий чай. Чашку за чашкой. Если позовет, все скажу. Не зовет. Уходит спать один. Тем лучше для него – я во сне кричу и царапаюсь...

Очень быстро наступает завтра. Еще быстрее проходит неделя. Я приношу Паше журнал с фотками мальчишек. Единственный мой искренний материал.

У него гениальная память. Он еще помнит, как мы пили крепкий сладкий чай вместе, и я рассказывала ему про дворовое детство. И еще он хорошо чувствует меня и все, что мне свойственно.

– Это твое?

Ну что тут сказать...

Он распахивает дверь, широко улыбаясь. Приносит объектив из ванной и кладет на коврик. Я снова начинаю его уважать.

– Счастливо! – и каблуками, каблуками по ступенькам, как будто опаздываю в очередной раз в универ, как будто бросил меня не Паша, а просто какой-то мой мальчик, как будто ничего не было.

Я его люблю все-таки. Я заглохну без его рецензий. Я не гений. Мне незачем возвращаться в универ. Я не знаю, правда ли это, или просто самовнушение, но я поднимаюсь обратно. Ступенька за ступенькой. Пересиливаю себя. Звоню. Он открывает.

Прохожу, мою руки, завариваю чай. Кладу объектив на компьютерный стол. Сажусь в кресло, укутываюсь пледом. Он целует меня в макушку по дороге к компьютеру.

Все по правилам. Все так, как должно быть.

Надежда Белякова

La mémoire a bon goût

(У памяти хороший вкус)

Я помню, как я попала в гимназию. Но не как сдавала экзамены, знакомилась с одноклассниками и учителями. А сам момент определения...

Мне было 10 лет. Меня заботили исключительно резвые прогулки на свежем воздухе с подружками и разного рода игры. Особенно нравилась настольная игра «Моя семья». Игра во взрослую жизнь, такую далекую и притягательную.

Однажды мама застала меня за просмотром мультфильмов и сказала, что подыскала мне школу, «ту, красную», где очень хороший педагогический состав и возможность поступления в любой вуз. Я спросила, что такое вуз... Мне хотелось, чтобы она побыстрее ушла – мультик пришлось остановить на самом интересном месте. Я сказала, что у меня в этой школе друзья, мальчик, который мне нравится, что я не хочу приспосабливаться к новому коллективу и прочее. Через неделю оказалось, что моя подруга тоже хочет поступать туда. Я не хотела расставаться с подружкой, но все равно стояла на своем.

Мама уже выяснила, когда и какие сдавать экзамены, а также все детали гимназической системы. Дело оставалось за малым – уговорить меня.

Была ранняя весна. Мы пускали кораблики на огромном школьном дворе и играли в салки. В воздухе стоял чудный запах вылезающих из почек листьев – начиналась новая для них жизнь. Я пришла домой мокрая, усталая, с еще дрожащими от бега коленками – радостно-удовлетворенная. Возможно, последнее и стало залогом определения моей будущей судьбы. И тут мама, обрадованная своей идеей, протягивает мне коробочку, в которой – о прелесть – лежат маленькие золотые сережки с феоитиком, такие милые! И говорит: «Это тебе, если пойдешь поступать в гимназию». Отказаться было невозможно...

Теперь, по прошествии девяти лет, я часто задумываюсь – как такой спонтанный и детский, немного материальный выбор может определить судьбу. Не попади я в гимназию, неизвестно, открыла бы я в себе любовь к слову и к языку, а позже – к литературе (начиналось все с «Пугачёвки!»), нашла бы в себе педагогические и режиссерские способности (сейчас я понимаю, как дорога мне первая

сцена нашего актового зала, так ласково меня вытолкнувшая в очарованность театром!). И вообще, какими были бы мои представления о мире, ценности, приоритеты сегодня?..

Воспоминаний о школе много, сегодня они всплывают перед глазами все ярче и сочнее. И маленькие золотые сережки хранят в себе мою благодарность за возможность быть здесь. Они для меня – символ выбора, возможно, первого серьезного моего выбора...

P.S. В последние дни последенго школьного похода в Крым два года назад я эти сережки непонятным образом потеряла... Вполне вероятно, что их смыло волной. Я восприняла это как своеобразный знак судьбы. Они смело прожили со мной все семь лет, а ушли (уплыли) от меня лишь когда я прощалась с гимназией...

Может быть, их нашел отчаявшийся старатель, который на вырученные деньги купит себе бутылку крымского вина. Может, капризное течение унесло их к дальним берегам, на которых мне еще предстоит оказаться. А может, счастливый отец принесет их завтра своей дочери как залог ее будущих успехов, как символ ее выбора...

ГОУ гимназия №1505
«Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория»
107061 Москва, 2-ая Пугачевская, ба, каб.24
литературный альманах «ОЗАРЕНИЕ», выпуск третий, 2009 год
Литературное приложение к газете «Пугачёвка, б»

Редактор – О.П. Колчугина.

Технический редактор – Надежда Белякова.

Авторы: Анастасия Артемчук (выпуск 2009), Надежда Белякова (выпуск 2007), Виктория Буяновская (7-а), Ирина Григорьева (выпуск 2002), Валентина Дрок (8-б), Мириам Ерохина (7-а), Полина Заяфарова (8-б), Леонид Казакевич (выпуск 2008), Сергей Карепин (7-а), Ольга Корнеева (8-б), Зера Кукутидзе (выпуск 2008), Александра Левшина (8-а), Анастасия Рожнова (8-а), Анастасия Ройтерштейн (8-а), Милена Саркисян (7-а), Сюзанна Саркисян (8-а), Ольга Сердюк (7-а), Анна Сидоренко (8-б), Екатерина Соколова (8-б), Софья Сопова (8-б), Вероника Стукачева (8-б), Иван Тимонов (8-б), Екатерина Федяшина (8-б).

Художники: Анна Волкова (выпуск 2009), Полина Заяфарова (8-б), Мария Зубкова (11-б), Мириам Ерохина (7-а), Екатерина Пономарева (7-а), Анастасия Ройтерштейн (8-а), Михаил Свистунов (8-б), Екатерина Тарасова (7-б), Максим Шаповалов (5-а).